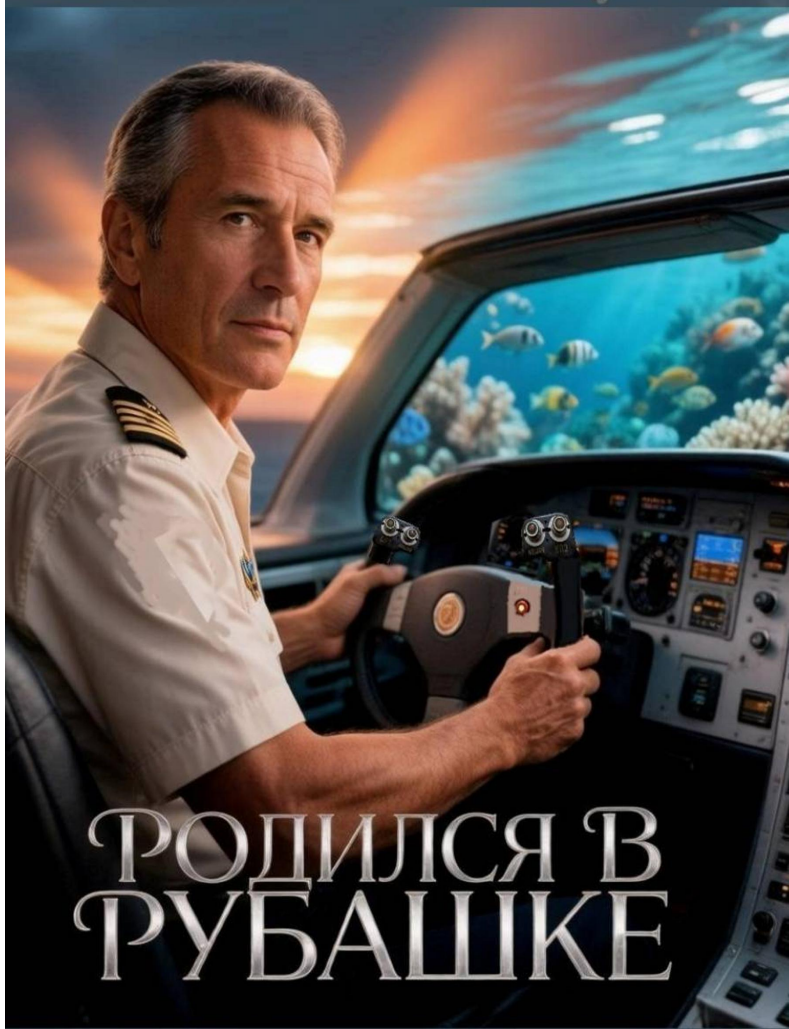


Вячеслав Шульман



РОДИЛСЯ В
РУБАШКЕ

Вячеслав Шульман

Родился в рубашке

<https://litres.ru/74666332>

SelfPub; 2026

Аннотация

Повесть основана на реальных событиях, происходивших с автором.

В этом повествовании автор, командир воздушного лайнера, от первого лица делится с читателем воспоминаниями. В короткие моменты отдыха погружается в свои воспоминания о детстве, юности, о стремлении стать пилотом, о пути достижения своей мечты, о критических моментах, угрожающих собственной жизни и жизни находящихся рядом людей, о дружбе и братской любви, об увлечениях подводным плаванием, о путешествиях и связанных со всем этим приключениях. Красной нитью повести обозначено чудесное везение, которое автор связывает с народной приметой: родился в "рубашке" - значит "ангел-хранитель" всегда с тобой и всегда спасает.

Содержание

Глава I. Рыбалка. Глава II. Вынужденная посадка. Глава III. Свободная жизнь. Глава IV. Мечты сбываются. Глава V. Свадебный рейс. Глава VI. "Железное" алиби. Глава VII. Двойная эстафета с купанием. Глава VIII. Прерванный полёт стрижа. Глава IX. АХР(Авиационно-химические работы). Глава X. Праздник Нептуна. Глава XI. Отказ двигателя. Глава XII. Трудовая колония с лётным уклоном. Глава XIII. Курильская экспедиция.

Конец ознакомительного фрагмента.

5

51

Вячеслав Шульман

Родился в рубашке

Глава I. Рыбалка. Глава II. Вынужденная посадка. Глава III. Свободная жизнь. Глава IV. Мечты сбываются. Глава V. Свадебный рейс. Глава VI. "Железное" алиби. Глава VII. Двойная эстафета с купанием. Глава VIII. Прерванный полёт стрижа. Глава IX. АХР(Авиационно-химические работы). Глава X. Праздник Нептуна. Глава XI. Отказ двигателя. Глава XII. Трудовая колония с лётным уклоном. Глава XIII. Курильская экспедиция.

Родился в Рубашке

Воспоминания, словно кадры старого кино, все чаще всплывали перед глазами. Пришло осознание, что пора придать им письменную форму, пока я в состоянии оживить наиболее запомнившиеся эпизоды прожитых лет.

Начался 1950 год. Советская Социалистическая Республика Беларусь, в составе Советского Союза, все ещё «зализывала» послевоенные раны. Мой отец, боевой офицер, вернувшись с Войны, продолжил военную службу в Советской Армии. Женившись на скромной Одесситке, моей матери, не выпуская из рук «тревожный чемоданчик», сумел произвести своего первенца, т.е. меня.

Новый год. Красная шапочка и Серый волк так весело скакали вокруг ёлки, встречая вторую половину двадцатого века, что я, находясь в чреве Красной шапочки, начал проситься, чтобы меня выпустили на белый свет...

Как я родился, я не помню. Однако, по рассказам моей любимой мамочки, я вылетел из её чрева на «белый свет», как пробка из бутылки с шампанским, да ещё и завёрнутый в

«рубашку» - плаценту. Акушерка, едва поймавшая меня, так и сказала: «Да, отец артиллерист, а мальчик ваш лётчиком будет», и она не ошиблась.

Глава I. Рыбалка.

Мои воспоминания прервал голос диспетчера.

– 431-й, погода в Южно – Сахалинске ухудшается, сообщите остаток топлива и запасной аэродром.

– Остаток на 2 часа, запасной Хабаровск, – ответил диспетчеру второй пилот.

– Принято, следите за фактической погодой и доложите о начале снижения, – закончил диспетчер контроля.

– Да уж, рыбалка может и сорваться, – пробурчал бортинженер Экипаж приступил к предпосадочной подготовке...

Посадка в сложных метеоусловиях (СМУ) или ИМС (по международным стандартам ICAO), прошла в штатном режиме, несмотря на октябрьский утренний туман. После короткого послеполётного разбора экипаж отправился на отдых в гостиницу. Длительный ночной перелёт с пересечением шести часовых поясов давали о себе знать. Расположившись в номере, я присел в кресло у окна и задремал. Моё сознание помимо моей воли приоткрыло дверь воспоминаний в моё детство, и я увидел...

Вот мы вместе с отцом по чертежам строим воздушного змея из деревянных реек и папиросной бумаги. Потом с вос-

торгом запускаем его на Воробьевых горах в Москве, куда переехали в связи с поступлением отца в военно-инженерную Академию. Затем аналогично собираем планер, а следом самолёт с резиновым мотором. И во всех случаях, когда эти модели взмывали в необъятную синеву с плывущими белыми шапками облаков, мысленно я поднимался над Землёй вместе с ними. Моей мечтой было потрогать облака руками...

Когда стал старше, посещая авиамodelьный кружок, я строил и кордовые модели, и модели – копии самолётов с компрессионными двигателями, работающими на этиловом эфире, а также модели ракет. Они успешно устремлялись ввысь и возвращались на землю на парашютах. После полёта в космос первого в мире человека, Юрия Гагарина, многие мальчишки мечтали стать космонавтами.

Меня разбудил стук в дверь гостиничного номера и голос второго пилота - Командир, нас приглашают на праздничный обед по поводу 30-летия бригадира бортпроводников. Она накрыла «поляну» прямо в номере, сбор через 30 минут. О подарке от экипажа я уже позаботился, купил 30 алых роз в цветочном ларьке в аэропорту, благо он рядом. Я посмотрел на часы: дома 6 часов утра, прибавим 6, значит здесь 12. Умывшись и критично оценив себя в зеркале, я отправился в указанный номер.

Это был 4-местный просторный номер, по-праздничному

украшенный воздушными, надутыми гелием, разноцветными шарами. Посередине стоял стол, накрытый всякими яствами, сочетающими продукты из неиспользованного бортового питания бизнес класса и продуктами из аэропортового ларька. На стульях и придвинутых к столу кроватях уже расположились все члены экипажа: бригада бортпроводников, состоящая из двух молодых людей и трёх девчат, второго пилота, штурмана и бортинженера. Мне предложили почётное место у окна, напротив двери, которое я тут же уступил имениннице. Шампанское, пенясь в подотчётных «аэрофлотовских» чашках, издавало лёгкое шипение в наступившей тишине, в ожидании первого тоста.

Неожиданный стук в дверь заставил всех встрепенуться. В дверях стоял инспектор, проверяющий лётной службы авиакомпании. Картина из «Ревизора»: «Не ждали», все сидящие замерли, так как уже держали наполненные шампанским чашки.

– А! Что вы делаете здесь, я вас застал врасплох? Где здесь Юбилярша? Поздравляю дорогая жёнушка! Принимай подарки, – воскликнул он и передал большой праздничный торт и букет хризантем.

Все облегчённо вздохнули и дружно выпили. Оказалось, что инспектор является мужем нашей бригадирши бортпроводников, но об этом никто из нас не знал. Он прилетел с экипажем, который мы сменили, проводил проверку техники пилотирования командира экипажа. Им была запланиро-

вана еще одна проверка: нашему второму пилоту, которая совпала по срокам, поэтому он и остался в Южно-Сахалинске, чтобы сделать это во время нашего обратного рейса домой.

Весёлое застолье продолжилось до последнего кусочка торта, после чего все дружно разошлись по своим номерам, договорившись завтра разделить на две команды, одна отправиться утром в Долинск на нерестовую «рыбалку», а другая на городской рынок. У лосося время нереста, а у нас еще 2 свободных дня эстафеты. Приняв душ, в хорошем настроении, я нырнул в гостиничную кровать и расслабился. Подушка притянула мою голову и включила прервавшуюся киноленту воспоминаний...

Мы с мамой в гостях у бабушки с дедушкой. В воздухе стоит смешанный волшебный букет запахов цветущих: сирени, каштана, акации и жасмина. Весенний вишневый сад, будто в снегу был осыпан белым цветом. Своим медовым ароматом он привлек не только рабочих пчел, но и огромного Майского жука, который с тяжелым жужжанием приземлился рядом с благоухающим цветком табака. «Интересно, как они летают? Почему я так не могу?» – задумался я. За домом в тени был натянут гамак. Я забрался в него, устремил взгляд в небо и, мерно покачиваясь, наблюдал за изменением причудливых форм белых, кучевых облаков. Они меняли свою форму и становились похожими на разных живот-

ных. Мои наблюдения прервал голос моей доброй седой бабушки: «Эй, юный натуралист, беги в хату быстрее, будем завтракать, а потом братика твоего будем встречать». Через некоторое время появилась мама. Она присела передо мной и открыла кружевную вуаль на большом свертке, перевязанном синей лентой. На меня смотрели выпученные глаза крошечного человечка.

– Знакомься, это твой братик, смотри какой он маленький, ты должен его беречь, – сказала мама. Вдруг малыш подмигнул мне одним глазом и широко улыбнулся. Теперь мне будет с кем играть, подумал я...

После окончания военной инженерной Академии мой отец получил назначение на Дальний Восток для строительства стратегического ракетного щита нашей Родины. Это был гарнизон в Амурской области. Школа находилась в селе в полутора километрах. Она представляла собой длинное деревянное строение с небольшими окошками. Классы с черными партами с откидными половинками, столешницы с углублениями для перьевых ручек и чернилниц-непроливашек, которые мы приносили с собой из дома в тряпичных мешочках. Классы были соединены единым подвалом. На уроке, с задней парты можно было спрятаться за финской круглой печкой и нырнуть в подвал, через который имелась возможность попасть в любой класс, где в данный момент был урок физкультуры. Учителя были старые, вынесшие на своих плечах тяготы войны люди, многие с инвалидностью, пло-

хо слышащие и плохо видящие. Мы, пользуясь этим обстоятельством, исчезали иногда незаметно с урока, чтобы поиграть в футбол.

Как-то, посреди учебного года появился в нашем классе новенький, у которого была книга с цветными иллюстрациями и обозначениями всех частей самолета. Он сразу стал моим лучшим другом и единомышленником, который так же, как и я мечтал о небе. Мы досконально изучили названия всех элементов самолета, перечитали все книги об авиации и о летчиках, героях войны, летчиках испытателях, продолжали строить модели. Он стал моим соседом по парте и примером верности мечте. Это был очень волевой и целеустремленный парнишка, старался хорошо учиться.

Однажды я побывал у него дома и понял, что плохо знаю своего соседа по парте. Его звали Сергей. То, что я увидел, меня потрясло. Он проживал вместе с сестрой и теткой в землянке размером 10 кв. метров. Вдоль стен на земляном полу стояли самодельные двухъярусные кровати, две солдатские тумбочки, старый фанерный шкаф, небольшой стол и табурет, на котором стоял примус. На стене висело круглое зеркало. Его сестра была старше на 3 года и была в школе круглой отличницей. Как я узнал позднее, их отец, полный кавалер орденов Славы, прошел всю войну и, незадолго до окончания, потерял одну ногу и одну руку. Мать работала учительницей младших классов. Отец сумел произвести на свет двух детей, но стал злоупотреблять алкоголем и умер.

Мать не выдержав, стала искать опору, но, как говорят: «пошла по рукам», и затем сама на себя наложила руки. Дети остались одни, приехала на помощь тетка, сестра матери. Когда я был у них в землянке, они угощали меня гренками из черного хлеба, поджаренными на маргарине с тушеной квашеной капустой и чаем на травах. Это было очень вкусно, но очень горько на душе. Придя домой, я все рассказал матери. Она тут же собрала целый узел вещей для них, и впоследствии добилась бесплатного школьного питания. Просила, чтобы я чаще приглашал его в гости и, провожая, давала ему с собой крупу или макароны, конфеты.

Моя мама сама рано стала сиротой. Она лишилась своей матери уже в пятилетнем возрасте, отца арестовали по ложному доносу в 1937 году и больше она его не видела. Приехала тетка, сестра матери с которой они стали жить. Началась Война. В первый же день войны дом разбомбили фашисты. Их приютили знакомые, но ненадолго. Оккупационные войска загнали их в еврейское гетто в Одессе. Тетку расстреляли вместе со всеми узниками гетто. Мама чудом осталась жива, сумев сбежать и скрыться в толпе по дороге на расстрел. Скрывалась у школьной подруги, но попала по доносу в тюрьму. Её спас от расстрела, на свой страх и риск, румынский следователь, у которого дома остались две дочери такого же возраста. Он устроил девушку на работу в столовую...

Утром меня разбудил шум в фойе гостиницы. Это мой

экипаж готовился к рыбалке. Я поднялся и присоединился к сборам. Накануне штурман договорился с местным водителем Уазика - буханки, что тот довезет нас до Долинска и познакомит с рыбаками. Как и договорились накануне, женский контингент во главе с инспектором остался и поехал на «рыбалку» на городской рынок, где во время нереста рыбно-икорная продукция значительно падает в цене. Мужская половина, в количестве 6 человек, отправилась на промысел.

Погода выдалась замечательная, теплая и солнечная. Дорога до Долинска 50 км прошла незаметно за разговорами и рассказами, как лучше делать заготовку рыбы и икры. Эта тема не была для меня в новинку, и я задремал, вновь оживляя свои воспоминания...

Мой отец получил новое назначение, и мы срочно переехали на его новое место службы. Я потерял связь с Сергеем, но никогда его не забывал. Мы дали друг другу клятву, что станем летчиками. Эта клятва вела меня по жизни к моей заветной цели. Впоследствии я часто вспоминал о своем друге детства, искал его, но безуспешно...

Проехали Долинск и припарковались у пирса промысловой Артели, которая только что вытряхнула сети со свежим уловом, блестящим на солнце своей радужной чешуей живого лосося. Договорившись о цене 50 копеек за кило, мы начали отбирать рыбу в большие баулы и рюкзаки, которые привезли с собой. Наметанным взглядом мы сортировали трех,

пяти килограммовых “мамочек” с икрой и более крупных “папочек” в привезенную с собой тару. Взвесив улов и расплатившись, мы на том же Уазике вернулись в поселок Хомутово к небольшой речушке возле аэропорта. Освободив «мамочек» от икры и тщательно вымыв, сложили обратно в сумки, чтобы отдать поварам в ресторан. Икру высыпали в заранее подготовленные трехлитровые банки. «Папочек» разделали на филе для засолки и, сложив в сумки, отправились в гостиницу, которая находилась неподалёку. Предстояла дальнейшая работа по засолке икры и рыбы уже в гостинице. Там мы провозились до вечера.

Усталые, но довольные уловом и своей работой, отправились на ужин в ресторан, где благодарные нашим подаркам повара приготовили рыбу на гриле под секретным китайским соусом всему нашему экипажу. Ребята вернулись из города тоже с хорошим «уловом»: балыком, икрой и морепродуктами, купленными на рынке для себя и друзей из наземных служб, ожидающих возвращения нашего рейса на базе. За ужином они рассказали об ассортименте, рыночных ценах и поделились своими впечатлениями. Договорившись о предполётной подготовке на следующий день и встрече с прибывающим сменным экипажем, мы разошлись по своим номерам для полноценного отдыха перед предстоящим рейсом домой. Прогулка, «рыбалка» и морской воздух словно опьянили, и я еле держался на ногах. Приняв контрастный душ, я упал в кровать и уснул, как ребёнок. Однако, под утро

воспоминания вновь посетили меня...

Я вспомнил, как в процессе взросления мой брат, как хвостик, никогда от меня не отставал. Мы никогда не ссорились и по-братски любили друг – друга. Впоследствии он сыграл основополагающую роль в осуществлении моей мечты стать пилотом...

Утром теплый воздух с залива Анива слегка испортил настроение. Туман сгущался, и мы боялись, что наш самолет уйдет на запасной аэродром и будет задержка рейса. Однако, опасения наши были напрасны. Наша смена тоже спешила на «рыбалку», и экипаж произвел посадку по минимуму аэродрома Южно-Сахалинска строго по расписанию.

За завтраком шеф-повар пожелал нам счастливого полёта и вручил каждому в дорогу по пакету бутербродов с рыбкой вчерашнего секретного «семужного» посола. Мы попрощались до следующего прилета, который теперь может состояться не так скоро, как хотелось. Ведь в авиакомпании длинная очередь для полёта на «рыбалку».

В назначенное время мы приступили к предполётной подготовке. Врач предполётного медицинского осмотра внимательно вглядывалась в глаза каждого и принималась, работая грушей тонометра. При этом она вкрадчиво спрашивала, как отдохнул экипаж за эти три дня эстафеты. Успешно пройдя медицинский контроль, экипаж приступил к своим обязанностям. Мы встретились с прибывшим нам на замену

экипажем и обменялись информацией. С их стороны: о работоспособности силовых установок и систем корабля, погоды по трассе, новостях в авиакомпании; с нашей стороны: об особенностях «рыбалки» и лучших продавцах на рынке. Пожелав друг другу удачи, мы разошлись. Бортинженер с бортпроводниками отправились со всем нашим «уловом» на экипажном автобусе к самолету, чтобы загрузить весь наш скарб и подготовить воздушное судно к полёту. Второй пилот со штурманом отправились в штурманскую комнату для проверки плана полёта и полётной документации. Затем второй пилот отправился в отдел перевозок, чтобы уточнить загрузку: количество пассажиров, багажа, груза и почты и проверить центровочный график. Штурман пошел в самолет программировать навигационную систему на полёт по маршруту. Мы с инспектором зашли для консультации в метеослужбу, чтобы изучить погодные условия аэродрома посадки, запасных аэродромов, облачность и ветер по трассе, струйные течения по высотам. Это было необходимо, чтобы выбрать наиболее экономичный эшелон полёта, указав его при принятии решения на вылет. Далее второй пилот отправился на самолет контролировать загрузку самолета и посадку пассажиров. Нас уже ждали в АДП и мы, приняв решение на вылет, отправились на стоянку к самолету. После внешнего осмотра и проверки систем и органов управления нашей «Большой Тушки» мы стали ожидать посадки пассажиров.

Я уступил свое командирское кресло инспектору, а сам

устроился в салоне, наблюдая за работой бортпроводников. Ребята руководили загрузкой и креплением багажа и почты. Девчата принимали и раскладывали на свои места бортовое питание и напитки, готовили самолет к приему пассажиров. Бригадирша бортпроводников предложила мне свежие газеты и журналы. Я выбрал журнал «Огонек» в атласной обложке. Это был свежий 40-й номер журнала за октябрь с фото спасенной трехлетней девочки по имени Расса из Литвы. Просматривая страницы журнала, я дошел до статьи про уникальную операцию по спасению девочки с именами и фамилиями непосредственных участников. Девочке косилкой отрезало обе ступни ног, но благодаря быстрым действиям и участием многих людей, девочке сохранили ноги и возможность дальнейшей нормальной жизни. Среди этих людей, не веря своим глазам, я увидел знакомое имя и фамилию офицера - дежурного по части, который организовал быструю доставку девочки в Москву из Литвы на самолете. Это была фамилия и имя моего друга детства, с которым мы клялись в верности авиации, след которого был мной утерян с незапамятных времен. Это давало мне возможность разыскать Сергея, и я принял решение обратиться в редакцию журнала.

Посадили пассажиров, бригадирша бортпроводников доложила о фактической загрузке, закрытии дверей и люков и готовности к полёту, экипаж приступил к запуску двигателей. После взлета самолет быстро набрал высоту и, перейдя в горизонтальный полёт на заданном эшелоне, взял курс на

запад. Я перебрался на свободное место в бизнес-классе, моё сознание вновь погрузило меня в парадигму воспоминаний...

Название города Свободный связано с людьми, которые, отбыв срок в лагерях строгого режима, окружавших это удалённое от цивилизации место, селились здесь, наконец, обретая свободу. Это была уже четвертая по счету школа моего среднего образования. Здесь были свои нравы. Утром завуч как математичка стала читать условия контрольной по вариантам. Сзади меня ткнули ручкой в спину. Я оглянулся и услышал шёпот: «Шаришь в арифметике новенький? Скинь решения». Через несколько минут промокашка с решениями была уже у соседа сзади. «Молоток новенький, так держать». Уроки в этот день тянулись очень долго. И вот долгожданный заключительный звонок. Нужно быстрее вернуться домой и помочь маме разбирать вещи после очередного переезда. Я обещал ей после школы собрать наши с братом кровати с панцирными сетками. Отец сутками был на службе и появлялся только в воскресенье.

Группа подростков уже дожидалась меня за железными прутьями забора школы. Многие из них курили, скрывая дымящиеся папиросы в кулаке. Их было семь человек, взявших меня в кольцо, как только я поравнялся с ними. Ко мне вплотную подошел самый низкорослый из всех.

– Мелочь есть? – спросил он небрежно.

– Нет, – ответил я.

– Ну-ка, попрыгай, проверим, вдруг зазвенит, – потребовал он

– Может, ещё и станцевать? – ответил я вопросом на вопрос.

– Да ты борзый «новенький», – сказал он и плюнул мне в лицо.

Я размахнулся портфелем, который держал в руке, чтобы нанести удар обидчику. Неожиданно он толкнул меня в плечо, и я почувствовал, как лечу назад, запнувшись за что-то мягкое. «Это подстава», – понял я, когда удары ногами посыпались с разных сторон. Я не мог подняться, меня тут же снова сбивали с ног. Я не чувствовал боли ударов, только чувствовал чувство обиды от беспомощности. Вдруг я услышал голос: «Эй, «Пугач» стоп!». Нападение внезапно остановилось. Видно было, что этот голос был для них авторитетом. Я узнал в нем своего одноклассника второгодника Виноградова по кличке «Виноград», которому на уроке математики передал решение контрольной. Он был на пару лет старше, выше ростом и физически сильнее. Как стало известно позже, это был местный хулиган, которого все боялись, так как ему все сходило с рук, потому что его отец был начальником местного отделения милиции.

– Запомните все, теперь это мой «кореш», кто его тронет, будет иметь дело со мной. Ну-ка «Помазок» и «Окурок», быстренько проводите моего «кореша» до дому, чтобы ни одна муха на него не села, – скомандовал он.

Это был хороший урок, после которого я записался в секцию бокса, занимался там 4 года, достиг третьего взрослого разряда...

Глава II. Вынужденная посадка

Я посмотрел на часы. По времени мы должны готовиться к плановой промежуточной посадке на дозаправку и обмену транзитными пассажирами в аэропорту Иркутска.

– Пойду в кабину и поддержу своим присутствием проверяемого второго пилота» – решил я. – Ему предстоит совершить сложную посадку. Из-за особенности посадки с северо-западным курсом на этом аэродроме было немало лётных происшествий. Овраг перед торцом ВПП способствует завихрениям и нисходящим потокам. Перед приземлением возможна просадка самолета из-за сдвига ветра, нужно иметь запас скорости. После предпосадочной подготовки экипаж доложил диспетчеру о начале снижения. Второй пилот отключил автопилот и перешел на ручное управление.

– 431, Ваше удаление 20, переходите на связь с Иркутск-круг на 133,5, – раздался из динамиков голос диспетчера.

– 431 понял, работать с кругом 133,5, – ответил инспектор, который вел связь с «землей» на этапе захода на посадку.

Он переключил радио на новую частоту:

– Иркутск «круг», 431, высота 600, информация «Танго», заход ILS, контроль RSP.

– 431, Иркутск «круг», ваше удаление 16, продолжайте заход с этим курсом.

– Выпустить шасси! – последовала команда второго пилота.

Инспектор сдвинул рычаг выпуска шасси вниз, на выпуск. Замигали красные лампы открытия створок и замигали зеленые лампы открытия замков выпущенного положения шасси.

– Шасси выпускаются, красные погасли, зеленые горят только справа, левая продолжает мигать... Левая стойка не встала на замок, – продублировал бортинженер. Инспектор переглянулся со вторым пилотом, и повернули головы в мою сторону.

– Попробуйте повторить, – посоветовал я.

– Убрать шасси! – скомандовал второй пилот, – Шасси убираются, красные мигают. Шасси убраны красные горят.

– 431, подходите к глиссаде, на посадочном курсе, работайте с Иркутск посадкой 133,3, – раздался голос диспетчера.

– 431, с посадкой 133,3, – подтвердил инспектор.

– Доложите диспетчеру посадки ситуацию и попросите проход над вышкой, для визуального контроля положения левой стойки шасси с уходом на повторный заход, – продолжил я.

Инспектор доложил, и диспетчер попросил держаться ближе к вышке и пройти на минимальной скорости.

– Повторно выпустить шасси! – скомандовал второй пилот.

Все повторилось, зеленая лампа левой стойки предательски мигала своим зеленым глазом.

– Скорость 360, - диктовал штурман,

– Выпустить закрылки 15 градусов, - продолжал командовать второй пилот.

– Гасим скорость, скорость 320, - продолжал штурман.

– Закрылки выпустить на 30 градусов,

– Держим скорость 270, снижаемся до 50 метров, вышка слева, – проинформировал инспектор по внутренней связи.

– 431 вы на курсе и глиссаде левее 10, разрешаю проход над стартом, аварийные службы готовятся, – дополнил диспетчер посадки.

Погода, как говорят пилоты, «миллион на миллион», отличная видимость. ВПП, как нарядная новогодняя елка, блистала всеми своими разноцветными огнями, вышка хорошо просматривалась. Бригадирша бортпроводников, почувствовав нештатную ситуацию, постучав условным стуком, вошла в кабину.

– Что скажете господа командиры? – спросила она взволновано.

– Побудь с нами любимая, ты сейчас сама все поймешь, – оглянувшись, подмигнул инспектор жене.

Зазвенел короткими сигналами звонок пролета ближнего привода, находящегося на расстоянии 1 км от торца полосы.

– Пролет ближнего привода левее 30, высота 60, – прозвучал голос диспетчера.

– 431, подтверждаю, – ответил инспектор, – Внимание на левую стойку, подходим к вышке.

Вышка промелькнула в доли секунды, но я успел заметить на балконе руководителя полётов с биноклем.

– 431 уходим на второй круг, – сообщил вышке инспектор.

– 431 занимайте 600 метров по схеме, работайте с Иркутск-круг 133,5

– 431 понял, работать с кругом на 133,5, – ответил диспетчеру инспектор, и продолжил по внутренней связи,

– Двигателям номинал, закрылки убрать. Занимаем 600 метров, связь с кругом.

– Иркутск «круг», 431 на первом развороте 600 метров.

– 431, займите 1200, зона ожидания по схеме. Будьте внимательны, борт из Братска с севера на снижении с посадкой у нас.

– 431 понял, борт наблюдаю, 1200 доложу.

– 431, вышка, осмотр шасси не выявил никаких отклонений, все как- будто штатно, сообщите остаток топлива и ваше решение.

– 431 занял 1200, остаток на 1 час, решение дополнительно.

– Экипаж, внимание, на правах командира воздушного судна беру управление ситуацией на себя и прошу слушать мои команды, – обратился я к экипажу.

– Бортинженеру включить перекачку топлива из левого в правое крыло, т.к. если при посадке левая стойка сложится, из левого крыла возможна течь керосина и пожар на левом крыле. Одновременно, проанализировать возможные неисправности механизма выпуска и уборки шасси и дать рекомендацию по техническому решению. Будем вырабатывать топливо, оставив количество лишь для возможного ухода на второй круг. Второму пилоту рассчитать посадочную дистанцию исходя из посадочной массы и коэффициента сцепления после полива полосы пожарной пеной. Инструктору возглавить работу бригады проводников и помочь в аварийной эвакуации пассажиров. Будешь помогать жене, чтобы не допускать панику среди пассажиров и помогать открывать аварийные выходы. Штурману отправиться в хвост и руководить аварийным покиданием самолета по аварийным трапам там. Все действия только по команде. Итак, всем занять свои места и приступить к своим обязанностям. Следим за выработкой топлива. При остатке на 30 минут начинаем заход на посадку, – закончил я свой длинный монолог.

Инспектор вернул мне мое рабочее место и отправился в пассажирский салон вместе с супругой и штурманом. Я набрал частоту вышки на второй радиостанции.

– «Иркутск «вышка», 431. Будем производить посадку че-

рез 30 минут. Прошу пожарников залить пеной западную половину ВПП с южной стороны, на случай, если сложится левая стойка шасси и разрушится крыло, во избежание пожара. Аварийные службы расположить с северной стороны полосы, т.к. самолет может развернуть и вынести на южную боковую сторону ВПП. Начало снижения и захода доложу».

– Ваш выход инженер, – предоставил я слово бортинженеру.

– Левая зеленая лампа может мигать в двух случаях: это, если стойка не встала на замок, а значит, на неровностях ВПП сложится. 4 тонны топлива в правом крыле против пустого левого должно удерживать левое крыло от опускания почти до самой остановки. Есть еще вероятность, что контакты в выключателе выпущенного положения шасси в самом замке просто «залипли», а стойка все же встала на замок, а это ложная сигнализация, якобы открытого замка, – проинформировал инженер.

– Значит 50 на 50? Теперь твоя очередь, – обратился я ко второму пилоту.

– Расчет показал: Исходя из посадочной массы, отсутствия ветра, коэффициента скольжения на «мыльной» ВПП и учета подъёмной силы на левом крыле, с учетом противовеса справа и пробега без торможения, теоретически посадочная дистанция составляет 2250 метров. В этих условиях крыло коснется земли, когда скорость будет 60 км в час. Есть вероятность повреждения и разворота самолета влево в кон-

це пробега.

– Подведем итоги. Наша основная задача погасить скорость перед остановкой лайнера, не уронив левое крыло как можно дольше. Поэтому, внимательно слушать и четко выполнять мои команды относительно реверса (обратной тяги) и интерцепторов (тормозных щитков), помогать мне, удерживать штурвал вправо, не пользоваться тормозами раньше времени. Доложить готовность экипажа к посадке в особых условиях полёта и выполнить контрольную карту перед посадкой, – обратился я к экипажу.

Это был заключительный проход над празднично светящейся посадочной полосой, уже залитой белой, как снег пеной от середины до конца. Справа от ВПП стояли в полной готовности красные пожарные машины, белые и жёлтые скорые помощи, а также рабочие в желто-оранжевых светящихся жилетах. Все они выглядели с высоты, как елочные игрушки на елке.

– Иркутск «круг», 431, разрешите снижение и заход на посадку.

– 431, прослушайте информацию «Чарли» (последняя информация о фактической погоде аэродрома посадки), установите давление 748 мм, занимайте 600 метров и работайте с Иркутск посадкой на 133,3.

– 431, 748 мм установил, снижаюсь 600, информация «Чарли», связь с посадкой 133,3, – закончил диалог второй пилот.

В кабину вошел инспектор.

— В салоне порядок, пассажиры проинструктированы, аварийные выходы освобождены, аварийные трапы на своих местах, бригада проводников работает согласно инструкции.

— Дверь в кабину оставьте открытой и идите в салон, контролируйте поведение пассажиров и пристегнитесь, нас может развернуть, — сказал я.

Инспектор отправился в салон.

Я был уверен, что мамина «рубашка», как всегда и в этот раз убережет меня и всех остальных, кто рядом, от большого несчастья.

Посадка прошла, как по маслу без происшествий и без применения аварийных средств. И, конечно, не обошлось без задержки рейса на 4 часа: из-за времени выработки топлива в воздухе, времени для замены отказавшего концевого выключателя, сушки полосы от пены и прохождения дополнительного медицинского осмотра членов экипажа на предмет стрессового состояния. Аэропорт Иркутска также успел подготовить счет-фактуру для нашей авиакомпании за аварийно-спасательные мероприятия, запчасти и работу тех. состава.

Этот случай словно был для экипажа хорошей тренировкой, потому, что ровно через год мне пришлось посадить машину там же, на этом аэродроме с левой стойкой шасси, не вставшей на замок. Только благодаря сильному встречному ветру крыло опустилось на землю за 10 метров до остано-

ки самолета, нас слегка развернуло, разбился только фонарик АНО на краю крыла. Пассажиры были эвакуированы по надувным трапам в считанные минуты. Никто не пострадал. Для них был организован дополнительный рейс, и через 50 минут они продолжили своё путешествие. Правда, экипажу пришлось ждать комиссию из Москвы.

Как установила компетентная комиссия, и в первый раз концевой выключатель был не причем, была большая выработка в замке выпущенного положения, но, при касании на посадке, амортизационная стойка шасси выпрямилась, и шасси стало на замок, в отличие от последнего случая.

Экипаж прожил в гостинице аэропорта неделю и, к всеобщей радости, на «вылеченном» лайнере, вернулся домой, еще и с уловом байкальского омуля.

Но это было в другой раз, а сегодня я в очередной раз уступил свое командирское кресло инспектору, которому необходимо было закончить проверку второго пилота, а сам ушел в салон, сел в облюбованное ранее кресло и предался вновь оживающим воспоминаниям...

Когда мы переехали из Москвы на Дальний Восток, отец сменил артиллерийскую форму на лётную: вместо чёрных петлиц с перекрещёнными пушечками появились голубые петлицы с золотыми крылышками — ведь теперь он служил там, где раньше базировался авиационный полк. Это было начало создания ракетно-космических войск России.

Самолеты утилизировали. Рядом с гарнизоном была свалка разобранных и распиленных старых самолетов. Мы с мальчишками все лето пропадали на этой свалке, свинчивая различные приборы с приборных досок бывших боевых машин. Сидели в кабинах, представляя себя пилотами. Однажды, мне даже удалось снять оптический прицел, который я использовал в качестве бинокля, но концу лета сменял у деревенских мальчишек на два кармана жареной сои, она была мне в диковинку и казалась вкуснее орехов.

Еще раньше, в детстве все подаренные мне или купленные механические заводные или инерционные игрушки, я полностью разбираю и смотрю, как они устроены. Мама ругала меня за это и жаловалась папе, о том, что я ломаю все игрушки. Папа смотрел на это иначе. Он стал покупать мне и дарить не игрушки, а различный инструмент и наборы для поделок. Первым был конструктор с множеством дырявых алюминиевых пластинок, аккуратно разложенных в ячейках картонной коробки, роликов, шайб и винтиков с гаечками разных размеров. Там же прилагался план по сборке моделей из этих заготовок. Первую конструкцию мы собирали вместе с отцом. У нас получился самолет, биплан, которым можно было играть. И мне совсем не хотелось его «ломать».

Наступил Новый год и одновременно мой день Рождения. Дед Мороз оставил мне подарок под елкой. Это была красивая большая коробка, открыв которую я обнаружил набор: лобзик с набором пилок, струбцину, коловорот со сверлом,

шило, несколько листов фанерок, чертежи с узорами и копировальную бумагу. Отец предложил сделать вместе первую поделку: фанерного гимнаста на турнике, который весело кувыркается при разведении «стоек» турника. Этот набор стал моей любимой игрушкой.

Я с интересом выпиливал из фанеры лобзиком орнаменты на подготовленных заготовках, которые потом тщательно обрабатывал шкуркой, покрывал морилкой, затем лаком или обжигал. Из этих заготовок я собирал различные полки, спичечницы и т.д. в ванную, на кухню или просто в подарок. В дальнейшем я выпиливал составные части для авиамоделей.

Как-то, вернувшись из командировки, отец подарил мне книгу, которая стала для меня настольной на долгие годы. Книга называлась «Двести работ для умелых рук», она состояла из двух частей. В первой части было описание игрушки или поделки, обозначенной номером. Во второй части под этим номером были чертежи с размерами и подробной инструкцией по изготовлению и сборке. Я строил самодельные игрушки для себя и братишки, двигаясь от простого к сложному. Все модели были механическими и действующими. Мнегодились моторчики и шестеренки от «сломанных» ранее игрушек. Любимым магазином в Москве был «Детский Мир». Когда мы попадали туда, я тянул родителей в отдел моделизма. Я готов был оставаться там бесконечно долго. Там было много наборов-конструкторов, и я готов был рассматривать каждый образец с огромным любопытством.

Однажды, родители уехали отдыхать к морю, а нас с братишкой оставили под присмотром соседей, с которыми были очень дружны. У мамы была ножная швейная машинка с электроприводом, который в их отсутствие я снял и использовал для изобретенного мной мини токарного станка по дереву. На этом станке я точил шашки и шахматные фигурки.

Отцу на Новый год Дед мороз подарил фотоаппарат «ФЭД-2», а также бачок для проявки пленок, ванночки и фотобумагу. Он много фотографировал, проявлял пленки и, в кладовке без окон, в свете красного фонаря, колдовал над семейными фотографиями. Мне это было очень интересно, и я перенимал опыт, помогая ему.

Вообще наш отец был очень разносторонне развитым человеком. Он отлично рисовал, профессионально танцевал «степ», участвуя во всех смотрах художественной самодеятельности, отлично стрелял из любого вида оружия, за что имел многочисленные грамоты и награды командования, владел навыками вольтижировки на лошади, и имел спортивные разряды на гимнастических снарядах, несмотря на большую загруженность военной службой. Отец старался передать нам все, что умел сам в те короткие промежутки времени, свободные от службы, но мы смогли перенять только самую малость.

Когда я стал еще старше, то увлекся ещё и радиodelом, изучил азбуку Морзе, получил категорию «Радиста 3 класса», любил работать и паяльником. Первой из таких поде-

лок был детекторный радиоприемник, который я слушал через наушник. Впоследствии я сделал акустическую электрогитару, просто приклеив мембрану этого наушника к деке гитары. В наушнике были сильные магниты с намотанными обмотками медного провода, которые я соединил с телефонным кабелем и штекером. Штекер я подключал в гнездо микрофона магнитолы, которую родители приобрели по моей просьбе, чтобы я мог записывать свой голос. Усилитель магнитолы отлично справлялся с задачей, я получил звук настоящей электрогитары. В дальнейшем я собирал и радиостанции, и карманные полупроводниковые радиоприемники («мыльницы»). В выпускном классе я по схеме из журнала «Радио» изготовил наглядное пособие – двоично-десятичный дешифратор на диодах, который забрали на выставку. Этот дешифратор мог наглядно переводить числа из десятичной системы исчисления в двоичную систему и обратно. Двоичная система нужна компьютерам для технической простоты, высокой надежности и защиты от ошибок при обработке электрических сигналов, применяется и теперь в компьютерных системах, о коих в те годы можно было прочитать только в научной литературе. Отец, по мере моего взросления дарил мне различный инструмент и учил им пользоваться. Все это пригодилось в дальнейшей жизни. А книжкой «200 работ...» я пользовался даже, когда сам стал отцом и дедом.

В подростковом возрасте мы часто, хвастая перед сверст-

никами, делаем глупости. Меня эта участь тоже не избежала. После окончания девятого класса, имея уже паспорт, я чувствовал себя совсем самостоятельным. Наш гарнизон находился в тайге, и это была уже шестая школа по счету, в которой я учился. Многих одноклассников я давно знал по прошлым гарнизонам. Мы росли, дружили, и после окончания девятого класса решили пойти в поход в тайгу на несколько дней с ночевкой. Кто-то взял палатку, кто-то нес продукты. У одного из нас было ружье. Отец приучал его к охоте и часто брал с собой в тайгу. Я тоже решил блеснуть.

У нашего отца были святые реликвии, которыми он очень дорожил. Это офицерский кортик, который он получил за участие на праздничных парадах в Москве на Красной площади и охотничье ружье, двустволка немецкой фирмы с комплектом патронов 100 штук. Каждая гильза была расписана золотом картинками с сюжетами королевской охоты. Это ружье с комплектом патронов было подарено отцу Главным маршалом артиллерии Неделиным М.И. за первое место в Армейских стрелковых соревнованиях. Об этом свидетельствовала именная монограмма с гравировкой на золотой пластинке, закрепленная на прикладе. Отец иногда ходил на охоту, но эти патроны не трогал, а пользовался другими.

Завернув ружье, в разобранном виде, в отцовскую плащ-палатку и прихватив с собой все патроны, я поместил их в рюкзак. Отец был в длительной командировке. Мама отпустила меня с друзьями с ночевкой в поход. Я ничего ей не

сказал про ружье. Мы достаточно далеко ушли в тайгу и решили найти подходящее место для лагеря. По дороге мы по очереди стреляли во все, что попало в поле зрения. Потом нашли несколько пустых бутылок и устроили соревнование по стрельбе. Так мы заходили все дальше в тайгу. В тех краях водились дикие козы, и мы решили добыть себе мясо. Долго искали следы и, наконец, нашли. По этим следам мы вышли на полянку. Там паслась коза, но она была привязана длинной веревкой к шесту. Это была не просто полянка, это был большой огород, где росла капуста, картошка, свекла, морковь. На краю поля с другой стороны был построен большой шалаш. Мы подошли и посмотрели внутрь. Там не было ни души. Зато в глубине мы нашли несколько коробок с макаронами и крупой, тщательно завязанных в мешках и подвешенных на балке. Внизу лежали 4 матраца. Здесь же мы нашли котелок и сковороду. Не дожидаясь хозяев, мы расположились в этом шалаше и стали готовить себе еду. У нас с собой была тушенка. Неподалеку журчал лесной ручей, из которого мы набрали воды. Только мы развели костер в нескольких метрах от шалаша, как появился хозяин. Это был молодой человек, немного старше нас, в солдатской форме с погонями рядового.

– Евгений, – представился он, – Я здесь сторож этого большого огорода, который принадлежит воинской части. Часть расположена недалеко, примерно километр отсюда. Я ходил за свежим постельным бельем. А вы что тут делаете?

Мы рассказали, что находимся в походе с ночевкой. Он гостеприимно предложил ночевать в его шалаше. Так и познакомились.

– Гасите свой костер. У меня тут примус есть, сейчас быстро макарон нажарим с вашей тушенкой, – сказал Евгений. Действительно, через тридцать минут мы ели жареные макароны с тушенкой и ничего вкуснее ничего себе не представляли.

– А, сейчас пойдем на вечерний сеанс в открытый кинотеатр в нашу воинскую часть, там новый фильм сегодня «Берегись автомобиля», смотрели?

– Нет, – ответили мы хором.

– Тогда пойдемте, а то опоздаем, – встал он, поправляя гимнастерку.

– А, как же наши вещи и оружие? – спросил я.

– Положи под матрац, куда оно здесь в тайге денется, мы вернемся через два часа, – уверенно посоветовал он. Так мы и сделали. Мы пошли по тропе за своим новым «доброжелателем». Действительно через 15 минут мы пришли в воинскую часть, расквартированную в солдатских палатках с кроватями.

– Мы стройбат, неподалеку строим для себя казармы и скоро уже будем переезжать, а пока во временках, – объяснил Евгений. Он привел нас в импровизированный кинотеатр под открытым небом. Многочисленные лавочки перед большим белым экраном, уже заполненные многочисленными

ми зрителями в солдатской форме ожидали начала фильма из кинопередвижки. Нам тоже нашлось несколько мест на галерке. Начался фильм, который стал потом одним из самых любимых для всех.

– Я отойду ненадолго, может быть удастся для вас постельное бельё добыть, – сказал Евгений и исчез в ночи.

К концу фильма он уже сидел рядом с нами и, когда фильм закончился, мы вместе вернулись к шалашу. Без него мы бы и не нашли обратную дорогу. Действительно он раздобыл для нас три комплекта свежего белья, за что мы были ему очень благодарны. Я приподнял свой матрац, ружья не было на месте. Оно пропало вместе с плащ палаткой и оставшимися патронами. Я похолодел, представив гнев отца, если он узнает о пропаже. Поиски на месте с фонариком и утром вокруг шалаша не дали результатов. С тяжелым сердцем я возвращался домой. Как только увидел маму, сразу ей во всем признался. Она срочно отправила меня в особый отдел, где я подробно описал все обстоятельства пропажи. Всю неделю шли дожди. Никаких известий о пропаже. И вдруг выглянуло солнышко.

Было воскресное утро, мама напекла пирогов. Вдруг звонок в дверь, я пошел открывать. На пороге стоял Евгений, в его руках была плащ палатка с ружьем.

– Вот я нашел, – сказал он. Я развернул сверток, там лежало разобранное ружье. Ореховое ложе отсырело и стало серым, монограммы не было, её оторвали и, скорее всего,

выбросили.

– Проходите, Евгений, что же Вы в дверях, идите, угощайтесь пирогами, – пригласила его мама.

– Поищите монограмму, пожалуйста, это важно. Возьмите еще пирожков на дорогу, – предложила мама при прощании.

На следующий день он принес сложенную вдвое монограмму. Я, как смог, привел ружьё в божеский вид и заказал новую монограмму, но сделать его таким, как прежде было невозможно. Как оказалось, в действительности, мы попали не в воинскую часть, а в расположение дисциплинарного батальона, где отбывали наказание осужденные военным трибуналом. Евгений был в их числе...

Когда отец вернулся из командировки, мне пришлось во всем признаться. Отец был в гневе и долго со мной не разговаривал. Это было для меня хорошим уроком на всю жизнь. Нельзя брать без разрешения, не принадлежащие тебе вещи, и доверять первому встречному...

Родители настаивали на моем дальнейшем инженерном образовании после окончания школы т.к. я любил точные науки, успешно участвовал в математических и физических олимпиадах и все время что-нибудь изобретал. Однако, у меня были другие планы на жизнь...

Толчок в плечо вернул меня к действительности..

– Второму пилоту оценка пилотирования отлично, посадил так гладко, что командир не проснулся. За полёт спаси-

бо, буду ходатайствовать о благодарности экипажу от дирекции авиакомпании за грамотные действия экипажа в особых условиях полёта, — сказал инспектор.

— Как бы вообще от полётов не отстранили за финансовые издержки, которые понесла авиакомпания, — парировал я.

— Ну, этого мы не позволим, — уверил инспектор и исчез на трапе.

Я зашёл в кабину для проведения короткого послеполёт-ного разбора. Второй пилот сообщил об общем времени на-лета за рейс для учета рабочего времени. Инженер заполнил бортовой журнал со всеми замечаниями и остатком топлива. Все высказали свои замечания по полёту в целом. Мы не то-ропились и ждали, когда все пассажиры покинут самолет.

— Нас уже встречают заказчики, — прокомментировал вто-рой пилот, глядя в боковую форточку. Действительно дру-зья из наземных служб с нетерпением ждали наш «рыбный» рейс. Все холодильники и нижний люк фюзеляжа, который служил естественным морозильником, были освобождены от даров моря и розданы «наземным службам». На трапе нас встретил холодный, с белой крупой, колючий октябрьский ветер, а внизу ждал экипажный автобус.

Дома меня радостно встретила Джина — немецкая овчар-ка, уже семь лет жившая в нашей семье и давно ставшая все-общей любимицей. Вилля хвостом, она сняла с вешалки по-водок и подошла ко мне, приглашая на прогулку. Отказать верной подруге я не мог. Попросив домочадцев разобрать и

разложить улов с Сахалина, я отправился с Джиной на прогулку. Вслед мне донеслось напутствие жены: — У вас пятнадцать минут. Вся семья ждёт тебя на ужин, расскажешь про рыбалку.

Мы с собакой повторили все команды и дважды прошли полосу препятствий, после чего вернулись домой. Я вымыл Джине лапы, а потом и сам встал под душ. Под струями горячей воды я закрыл глаза, и перед внутренним взором возникла живописная картина: вечерний залив Анива на Сахалине, ветер срывает верхушки волн и веером светящихся светлячков бросает брызги мне в лицо. Однако, блаженство длилось недолго.

— Семья ждёт тебя за столом, — заглянув в ванную, напомнила жена. В дверной проём просочился манящий аромат: любимый парфюм, жареная картошка и курочка гриль — будто сразу накрыло уютом родного дома. К ужину прилагались и сто граммов лечебной «Клоповки» — настойки на Краснике: ягодах похожих на калину, а запах у настойки — как у коньяка. За разговорами о красотах Сахалина еда и напитки основательно меня расслабили. Наконец я добрался до кровати и уже в полудрёме услышал вопрос жены:

— Почему задержался на четыре часа?

— Да, железку какую то пришлось менять в Иркутске, — ответил я, зевая, и провалился в затерянный мир воспоминаний...

Глава III. Свободная жизнь.

После окончания школы я не попал на выпускной вечер и даже не сохранил общей фотографии нашего класса. Не попрощался и со школьными друзьями — с той самой дружной командой, что стала чемпионом Амурской области среди школьников по баскетболу. Всё потому, что «случайный» попутный военный автобус увёз меня из таёжного гарнизона напрямик в аэропорт Благовещенска, откуда родители решили отправить меня в Москву — поступать в вуз.

Из Москвы я добрался на электричке до Владимира, где меня встретил старший брат отца и поселил у себя.

— Готовься в политехнический институт, — отрезал он строго. — Экзамены через месяц.

Я нацелился на факультет автоматики и телемеханики — конкурс там был серьёзный. Предстояло сдавать математику (письменно и устно), физику, химию и сочинение. Но я почти не переживал: был уверен в своих знаниях. В квартире дядюшки стояла большая библиотека, и я, наконец, добрался до книг, о которых давно мечтал. Проглотил «Трёх мушкетёров» с продолжением, «Графа Монте-Кристо» Дюма и ещё немало томов из собраний сочинений известных писателей.

Когда пришло время экзаменов, выяснилось, что на выбранную специальность мне не хватило всего одного балла. Приёмная комиссия предложила перевести документы на химфак — туда мой балл проходил. Я согласился и по-

просил зачислить меня на вечернее отделение: планировал устроиться на работу по специальности, близкой к получаемому образованию

После зачисления я устроился лаборантом в НИИ и получил место в общежитии. Три года я совмещал работу в лаборатории физико-механических испытаний с учёбой, а потом влюбился и женился на юной выпускнице медицинского училища. Спустя год она подарила мне величайшее счастье — очаровательное создание, мою любимую доченьку.

Осенью студентов нашего института отправляли помогать подшефным хозяйствам. Мы строили свинарники, монтировали в них оборудование, загружали удобрения в самолёты, убирали урожай. Однажды в сыром и холодном октябре я попросил пилотов взять меня в полёт во время ручной загрузки удобрений. Они лишь ухмыльнулись, а командир бросил: — Давай, запрыгивай и держись крепче. Сейчас прокатим тебя с «блевонтинчиком» — так, что больше не захочется.

Я встал в дверях между пилотами в кабине «кукурузника», вцепившись в боковые штанги, и зачарованно наблюдал за работой пилотов. После прохода над полем самолёт резко ушёл вверх: моё тело налилось тяжестью, и я присел от перегрузки. Потом пилоты сделали горку: ноги мои взлетели к потолку, и на миг наступила невесомость. Я удержался, крепко вцепившись в штанги. Эти ощущения врезались в память навсегда и ещё сильнее укрепили во мне желание связать жизнь с небом. Только я пока не знал, как этого до-

биться.

Мысль об авиации не выходила из головы, но потребности семьи выросли, и пришлось искать более высокооплачиваемую работу. Так я стал инженером в Областном эксплуатационно-техническом управлении связи. Должность предполагала разъезды по области. Вскоре и учёба в институте подошла к концу, и я получил повестку в военкомат.

Внезапно я проснулся и никак не мог определиться со временем, утро это или вечер. В квартире было тихо. Тут подошла Джина с поводком в зубах, я понял, что это утро. Домочадцы ещё спали. Я быстро оделся, и через несколько минут уже давал команды на полосе препятствий. Мы гуляли минут тридцать, пока не встретились с давней подругой Джулькой, шоколадным спаниелем и её хозяином, моим соседом и другом Алексеем, который летал штурманом на «грузовиках» и часто делился своим «уловом». Он гордился родословной своей собаки, которая была прямым потомком от собаки Владимира Высоцкого

Мы дружили семьями, справляли вместе дни Рождения и праздники, когда совпадали наши графики полётов.

– Наслышан о ваших приключениях, – сказал он шепотом.

– Не говори никому, не надо, – ответил я известным афоризмом из кинофильма.

– Лучше приди и забери своего лосося, пока свежий, – продолжил я.

– Ты не забыл, сегодня в 11 у нас тренировка в бассейне у «Семеныча». Будем играть в подводный хоккей с «дайверами» из Уктуса. Так, что акваланг можешь сегодня не брать, – предупредил он.

Справка.

(Подводный хоккей возник в Англии в 1954 году. Его придумал Алан Блейк — инструктор по дайвингу и основатель клуба «Sub-Aqua Club» в приморском курорте Саутси (графство Хэмпшир). Цель — поддерживать форму членов клуба в зимние месяцы, когда дайвинг в открытом море менее активен).

– А я хотел сегодня заодно в дыхательном автомате мембрану поменять. Скоро ведь соревнования подо льдом на Тальковом камне, – парировал я.

– Ты не спеши, время еще есть, а вот за рыбку спасибо, заберу, когда вернемся. Да, и свою машину не выкатывай, поедем на моей Хонде, ты еще от Сахалина не отошел.

– Джина, Джулия, по домам, – почти одновременно командовали мы и разошлись по соседним подъездам

Дома уже ждал завтрак аристократов: свежая икра янтарем светилась на солнце в белых половинках яиц, разложенных на специальном блюде с углублениями, малосольная кета, ровными ломтиками и с запахом Охотского моря, просилась на бутерброды с маслом, ждущие на соседнем блюде.

Горячий кофе дымился в кофейнике, дополняя своим запахом гармонию завтрака.

Через два часа мы уже были в бассейне. Наш любимый тренер, Яков Семенович строго и проникновенно посмотрел на нас и, убедившись, что мы «в норме», дал свисток на начало тренировки. Она начиналась с разминки и гимнастики на суше, включая велотренажер с соревнованием на скорость. Затем переход в воду и гипервентиляция лёгких с погружением на дно бассейна и задержкой дыхания на время. Мой рекорд был 4 мин. 30 секунд, я надеялся довести его до 5 минут без движения. В движении только 3 минуты, что давало мне возможность переплыть бассейн туда и обратно под водой. Погрузившись после очередной гипервентиляции (полные вдохи и полные выдохи в течение 30 секунд насыщают лёгкие кислородом, продлевая время нахождения под водой без дыхания), я ухватился за трубу на дне бассейна и решил отвлечь свои мысли от настоящего погружением в прошлое, в воспоминаниях о пути к небу.

И вот я уже в военкомате.

— В какие войска желаете? — спросил заместитель военкома, усатый капитан с гусарским видом.

— Хочу в лётное училище, — твёрдо ответил я.

— Можно, но только через армию. Сначала служба, «учебка», а в следующем году подаёшь заявление и поступаешь, если возраст не превысит двадцати двух лет.

— А нельзя сразу?

— Сразу никак. Разве что в Военно-политическое училище в Донецке — там недобор. Но нужно срочно: дадим дело на руки и билеты на поезд. Поедете?

— Можно подумать? Посоветоваться с родными? - спросил я

— Можно, но только до завтра. Жду вас, молодой человек, до двенадцати часов дня. Честь имею!

«Дилемма», — подумал я и решил поехать сначала к родителям, чтобы сообщить им новость и посоветоваться, прежде чем «обрадую» жену. В родительском доме оказался только дед: отец забрал его к себе после смерти бабушки, когда получил квартиру по окончании военной службы (его комиссовали по состоянию здоровья).

— А где все? — спросил я.

— Да где им быть? Родители на работе до вечера, а брат в школе на консультации перед последним выпускным экзаменом, — буркнул дед.

— Что такой грустный? — заметил я его удручённый вид.

— Да вот, соседи пожаловались, что мой петух им спать не даёт. Участковый приходил, сказал, что на балконе "курей" держать нельзя. Мама ваша отцу скандал устроила. Пришлось всех разом на мясо пустить. Теперь будем с мясом, но без домашних яиц. Петуха особенно жалко — породный был, настоящий гусар, — закончил он, и слеза скатилась по морщинистой щеке.

— Такие правила, дед. Здесь не частный дом, — поста-

рался я его успокоить.

Хлопнула входная дверь, и из коридора раздался голос брата:

— Дед, курица номер два уже готова к употреблению? Я голодный, как волк. Мне силы нужны для последнего экзамена. Увидев меня, он расплылся в улыбке:

— О, как я рад тебя видеть, брат! Мне столько всего нужно тебе рассказать и показать! Он достал из сумки газету.

— Уже неделю ношу её с собой, чтобы тебе показать, — сказал он, раскрывая нужную страницу с объявлениями.

Брат всегда был моим союзником и знал о моём стремлении связать жизнь с авиацией. Он бережно развернул газету и прочёл вслух: «Сасовское лётное училище гражданской авиации производит набор курсантов по специальности „пилот гражданской авиации“. Учёба в училище засчитывается как служба в армии. При успешном окончании курсантам присваивается офицерское звание „младший лейтенант“ с военно-учётной специальностью пилота военно-транспортной авиации. Принимаются юноши до 22 лет. Заявления принимаются до 25 июня. После прохождения врачебно-лётной экспертной медицинской комиссии приёмные экзамены: зачёт по физподготовке, письменные экзамены по математике и сочинению. Кроме заявления необходимо иметь военный билет или приписное свидетельство с откреплением из военкомата. Приветствуется направление на учёбу от местного авиапредприятия. Общежитие предоставляется на тер-

ритории Учебного центра Гражданской Авиации в Быково бесплатно».

У меня перехватило дыхание. Я даже присел от неожиданности:

— Братишка, ты мой ангел хранитель, — вздохнул я с облегчением и распростёр руки для объятий. Я почувствовал, что неведомая сила возносит меня вверх, окутывая чем — то неземным...

Уже всплывая на поверхность, при вздохе я хлебнул воды из бассейна и закашлялся. Тут же перед глазами возник тренер с секундомером, укоризненно качающий головой:

— Алексей дважды нырял за тобой, пытался оторвать от трубы, но не смог, ты будто приклеенный, пока сам не отпустил. Ты что там уснул? Ты сделал свой рекорд — пять минут и три секунды. Поздравляю! Теперь туда и обратно вольным стилем. Проверьте снаряжение и присоединяйтесь к команде. «Уктус» уже разминается, ворота установили, игра начнётся через пятнадцать минут. Вы с Алексеем — в основном составе, вместе с молодёжью.

К обеду мы были дома. После сытной ухи из лососёвых голов я провалился в глубокий сон, чтобы выспаться перед рейсом в Тбилиси — он по расписанию вылетает в пять утра. Не успела моя голова коснуться подушки, как в сознании продолжилось приятное общение с прошлым...

План созрел молниеносно, едва брат показал мне заветное объявление. Я позвонил по указанному телефону и уточнил все детали: прохожу ли по возрасту, какие документы нужны, точный адрес и как лучше добраться. Всё совпадало, — я подходил по всем параметрам. Оставалось только получить направление на учёбу в аэропорту, открепиться от призывного пункта и забрать своё дело из военкомата.

День клонился к полудню, а в воздухе висел стойкий запах гари — его приносил ветер с горящих торфяников, обычное дело для такого жаркого лета.

Я бросился к автобусу. «Нужно успеть доехать до местного городского аэропорта и взять направление на учёбу. Только бы им были нужны пилоты», — мысленно молился я. Быстро отыскав отдел кадров Объединённого авиаотряда, я получил заветное направление. Уже на выходе я столкнулся с одним из пилотов.

— А я тебя помню, парень! — воскликнул он. — Год назад, в октябре, ты вместе с коллегами загружал наш самолёт удобрениями на деревенском аэродроме и напросился, чтобы мы тебя прокатали. Помнишь? Ты тогда говорил, что очень хочешь летать. Погода была промозглая, снег с дождём, и мы решили тебя проучить — прокатить с «блевонтинчиком», чтобы отбить охоту к полётам. Но ты выдержал испытание. Вижу, что, возможно, скоро встретимся. Желаю удачи!

На следующий день я с самого утра помчался в военко-

мат. Дежурный у входа направил меня к делопроизводителям. Я постучал в указанное окошко, оно приоткрылось, и миловидная девушка в форме, с погонами старшего лейтенанта, улыбнулась мне во всё окно:

— Чем могу помочь?

— Мне нужно открепиться и получить дело на руки, — выпалил я.

— Это может сделать только капитан Усов, — игриво ответила она и закрыла окошко.

Я постучал в знакомый кабинет и вошёл.

— Ну что, посоветовался? Будем оформлять требование на билеты в Донецк? Или на срочную службу? — с лёгкой улыбкой спросил капитан.

— Можно я сам поеду? Только открепите меня и дайте документы на руки, — попросил я.

— Нет, только по направлению военкомата, и после поступления ещё напишешь отчет и прикрепишь к нему использованные билеты. У нас здесь строго.

— Ладно, оформляйте, — согласился я.

«Придется включить план «Б», — мыслил я про себя.

— Поедешь прямо завтра. Время в обрез, первый экзамен уже через 2 дня, оформляй бумаги у делопроизводителей, вот тебе направление. Если не поедешь, будешь считаться дезертиром.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.